

Фролова Е.А.* *Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М. : Юркомпани, 2013¹.*

Первое, на что хотелось бы сразу обратить внимание, – актуальность темы данной монографии. Эта тема не то чтобы созрела, она уже давно перезрела. Действительно, в истории неокантианства в России есть один очень примечательный момент – рождение на рубеже XIX и XX вв. плеяды выдающихся философов права, и, собственно, формирование этой отрасли юридической науки благодаря творческим усилиям ученых-неокантианцев. Можно с уверенностью заявить, что ни в какой другой сфере научной деятельности неокантианство в России не дало таких серьезных результатов и не имело такого успеха, как в сфере философии права. Одно только перечисление имен русских теоретиков правовой науки, испытавших влияние неокантианства либо находившихся в русле неокантианской традиции в области практической философии, не может не свидетельствовать в пользу такого утверждения: П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев, С.И. Гессен, В.А. Савальский, Е.В. Спекторский. Весьма показательным служит и тот факт, что первая «неокантианская диссертация», защищенная в Московском университете, и первое монографическое исследование на русском языке по Марбургскому неокантианству В.А. Савальского были посвящены философии права Марбургской школы неокантианства. Появление этого труда в 1908 г. вызвало жаркие дискуссии по вопросам практической философии Когена и его немецких и русских последователей и надолго определило тематику философских и философско-религиозных кружков².

Может быть, то, что это первое такое исследование неокантианской философии права в России, и то, что, конечно, материала для анализа со стороны юриста было более чем достаточно, в рецензируемой монографии философские работы представлены минимально и полностью отсутствуют современные публикации отечественных философов по немецкому и русскому неокантианству. Показательным является завершение вводной главы «Кант в России» перечислением некоторых крупных современных работ отечественных авторов только кантовской философии. Конечно, традиция изучения неокантианства в России не такая долгая и богатая, как традиция анализа Канта, но все же хотелось бы указать хотя бы на публикации упомянутого в монографии (правда, еще под ранним названием) «Кантовского сборника», который с 2008 г. включил в свое содержание раздел по неокан-

* Поступила в редакцию 05.10.2013 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-2-7

© Белов В.Н., 2014

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 13-03-00042а.

² Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России : историко-философские очерки. М., 2007. С. 212 – 213.

тианству³. Также более глубокое знакомство с философскими работами позволило бы автору избежать таких «философских небрежностей», как выделение в качестве отдельного произведения у Когена его «Системы философии», причем наряду с «Этикой чистой воли» (с. 51) или отнесение русских религиозных философов к разряду «философов-мистиков» (с. 75 и др.).

Однако повторимся, что работа актуальная, своевременная и интересная. И первый вопрос, на который она закономерно наводит, заключается в том, почему именно философия права стала одним из самых заметных результатов развития философии в начале XX в. в России и почему именно неокантианская концепция имела в этом особую важность? Конечно, немалый вклад, как справедливо отмечает автор монографии, здесь внес так называемый внешний фактор, а именно то, что в немецкой философии проблемы права и государства в это время выдвигаются на передний план в сфере практической философии. И несомненно то, что основную роль, инициирующую обсуждение данных проблем в немецком научном сообществе, сыграли неокантианские исследования, особенно представителей баденской школы, посвященные проблемам норм и ценностей. Кроме того, следует указать на общую практическую направленность русской философии и на увлеченность неокантианской философией поколения молодых ученых из России, разглядевших в ней продолжение кантовской традиции утверждения самостоятельности философского познания и представлявшейся таким образом альтернативой марксистской и религиозной теориям, господствовавшим в отечественном общественном сознании начала XX в.

Также немаловажным фактом, нисколько не потерявшим актуальности и сегодня, оказалось то, что философы-неокантианцы выступили активными поборниками правового просвещения России, анализировали причины и предлагали пути преодоления правового нигилизма, свойственного российскому обществу. В этом видели они одну из своих основных задач и в этом находили они одно из главных оправданий необходимости философского осмысления всей юридической и правовой проблематики.

Именно в отечественной философии права мы встречаемся с еще одним примечательным моментом, не свойственным другим отечественным неокантианским исследованиям: полемике между приверженцами марбургского и баденского неокантианства⁴.

Подробно анализируя отечественные неокантианские концепции философии права, автор рецензируемой монографии находит наиболее интересной и продуктивной концепцию права Б. А. Кистяковского, который полагал «необходимым строго разграничить научно-теоретическое и юридико-догматическое изучения права» на основе различия методов. В задачу

³ См. *Крайнен К., Белов В.* Изучение неокантианства: указания к чтению // Кантовский сборник. 2008. №2 (28). С. 66–74; *Белов В. Н.* Русское неокантианство: история и особенности развития // Кантовский сборник. 2012. №1 (39). С. 27–40; переводы Г. Когена, В. Сеземана, рецензии на новые издания по неокантианству, а также переводы работ современных иностранных исследователей неокантианской проблематики.

⁴ См. об этом параграф третьей главы рецензируемой книги «Пolemика неокантианских школ» (Б. А. Кистяковский, В. А. Савальский).

первого входит определение сущности правового феномена, в задачу второго — исследование характера права как догмы, действовавшей в том или ином конкретном обществе. Поэтому в научно-теоретическом подходе должны быть задействованы не описательные, а объяснительные методы. В связи с тем что, по мнению Кистяковского, право — это «сложный феномен, одновременно относящийся и к сфере причинной обусловленности явлений, и являющийся продуктом логической и этической деятельности человека... для научного познания права необходимо его объяснение в причинной и телеологической зависимости» (с. 108–109).

Особую заслугу неокантианского подхода к изучению права Е. А. Фролова видит в возрождении концепции естественного права, которая противостояла попыткам релятивизации понимания сущности права и сведению его к эмпирической сумме конкретных правовых норм в ту или иную историческую эпоху. Опираясь на идеи известного немецкого правоведа-неокантианца Рудольфа Штаммлера, развивавшего теорию естественного права с изменяющимся содержанием, отечественные теоретики отстаивали необходимость тесной взаимосвязи морали и права и совершенствования права с учетом моральных критериев и этического идеала.

Теории государственного устройства научный идеализм уделил меньше внимания, чем исследованию природы и назначения права, но и здесь, как справедливо отмечает автор книги, отечественные философы права Новгородцев, Кистяковский, Гессен, развивая кантовскую идею правового государства, стремились дополнить ее социальным аспектом, опирающимся на идею «права на достойное существование» Вл. Соловьева. Также актуальными и продуктивными находит автор рецензируемой монографии усилия П. И. Новгородцева по изучению феномена суверенитета. По мнению отечественного теоретика права, для преодоления кризиса правосознания «необходим переход от принципа народного суверенитета к кантианскому принципу автономной личности» (с. 347).

Наконец, еще одной интересной темой, обсуждению которой в монографии Е. А. Фроловой уделено немало внимания, стал вопрос общественного идеала. Здесь она находит продуктивным рассмотреть в дискуссионном плане понимание общественного идеала представителями неокантианства и марксизма. И находит радикальное различие их методологий в том, что первые выступали за постепенное совершенствование государственных отношений в условиях столкновений различных интересов общественных групп и классов, последние же — за революционное решение всех противоречий. При этом, по меткому замечанию Фроловой, основу «неокантианской концепции создавала уверенность в позитивном значении традиции, права, государства, нравственности, хотя эти начала отнюдь не непротиворечивы и нуждаются в отыскании разумной меры своего влияния на человека и общественный порядок» (с. 413).

В подтверждение основной интенции данной рецензии, а именно необходимости в исследованиях по философии права совместных усилий философов и юристов, хотелось бы сослаться на мнение авторитетного юриста, председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина, который, вспоминая философско-правовое творчество таких отечественных мыслителей, как В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Б. А. Кистяковский и оценивая со-

временное положение в России как кризисное, подчеркивает: «Кризис подталкивает нас к тому, чтобы философы говорили о праве, а юристы слушали философов и понимали, что право состоит не просто из собрания законов... Не нужно замыкаться в узких рамках, необходим широкий взгляд на юриспруденцию, завещанный выдающимися российскими мыслителями нам... И главный импульс, мне кажется, все же должны задать философы»⁵.

Поэтому рекомендовать данную монографию следует всем самостоятельно и творчески мыслящим читателям, которые в глубоких размышлениях отечественных философов права начала XX в. найдут много актуальных и полезных для современной жизни России идей и оценок.

Д-р филос. наук, проф. В. Н. Белов

⁵ Зорькин В. Д. Философия права: прошлое, настоящее, будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 43–44.